

*ЗОЛОТАРЕВ Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий**

НЭП, ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений власти и интеллигенции в годы НЭПа. Анализируются формы, методы и изменения государственной политики в отношении интеллигенции, вскрываются причины данных перемен. Обозначены мотивы отказа представителей властных структур от военно-принудительных методов воздействия на интеллигенцию. Автор раскрывает основные процессы, происшедшие в рядах российской интеллигенции, идейно-политические взгляды, общественные установки и модели поведения интеллектуалов. Выявлено, что в годы НЭПа происходит существенная трансформация взглядов, позиций и отношения интеллигенции к сложившимся политическим институтам и реализуемым практикам. Большинство интеллектуалов, несмотря на антибольшевистские настроения, проявляло стремление к культурно-созидательной деятельности на профессиональном поприще. В работе рассматривается сущность, проблемы, роль и значение выдвигательства в создании и развитии новой интеллигенции. Раскрываются сложности взаимоотношений большевистской партии, старой и новой интеллигенции. Обосновывается мнение о том, что у представителей власти в 20-е годы XX века установилось высокомерное отношение к старой интеллигенции. Отмечены факторы, повлиявшие на отношение интеллигенции к советской власти. В связи с этим особое внимание уделено повышению материального уровня жизни интеллектуалов в 1920-е годы. Подчеркиваются расслоение, кризисное состояние и сложности самоидентификации русской интеллигенции в нэповский период. Констатируется, что интеллектуалы, несмотря на определенный раскол по социальному признаку и различия в материальном положении, к концу 1920-х годов приходят к мысли о безальтернативности большевизма и советской власти и о вынужденной необходимости сотрудничества с режимом.

Ключевые слова: *интеллигенция, НЭП, власть и интеллигенция, государственная политика, выдвигательство.*

*Адрес: 167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55; e-mail: oleg-zolotarev@mail.ru

Для цитирования: Золотарев О.В. НЭП, власть и интеллигенция // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 5–13. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.5

Советский период истории России отличался весьма непростыми отношениями власти и интеллигенции. Возможно, именно поэтому исследователи уделяли изучению данного вопроса особое внимание.

Отечественная историческая наука к концу минувшего столетия создала обширную базу для анализа проблемы взаимоотношений власти и интеллигенции, приблизилась к концептуальному переосмыслению многих вопросов, заложила фундамент дальнейшего научного поиска. Это позволило российским ученым на рубеже XX–XXI веков переосмыслить проблему в теоретико-методологическом плане, существенно расширить как источниковую базу, так и тематику исследований, усилить диалог между представителями смежных научных дисциплин. По понятным причинам повышенный интерес у современных историков вызывает период 1920-х годов [1, 2]. Ведь именно тогда не только началось формирование принципиально новой – советской – интеллигенции, но и определялась специфика взаимоотношений коммунистического режима и интеллектуалов [3].

В указанные годы отношения советской власти и представителей умственного труда складываются чрезвычайно сложно. Во многом это объяснялось как неоднородностью интеллектуалов в политическом плане, так и скептическим, если не враждебным, восприятием новой власти интеллигенцией. Для интеллигенции старой России события 1917 года олицетворяли крушение либеральных идеалов. И такие настроения долгое время весьма омрачали взаимоотношения интеллектуалов и власти.

Кроме того, положение существенно осложнилось «махаевским» отношением к интеллигентским кругам со стороны значительного числа рядовых членов коммунистической партии: интеллектуалов оценивали как один из эксплуататорских классов. Верхушка партии в целом не разделяла подобных взглядов, но и не видела в интеллигенции нужного для строительства социалистического общества материала. Впрочем, столкнувшись с хозяйственными трудностями, партийное руководство весьма

быстро осознало, что без знаний и навыков старых специалистов новая власть вряд ли сможет решить экономические проблемы, хотя привлечение к социалистическому строительству «буржуазных спецов» продолжало расцениваться режимом как форма классовой борьбы пролетариата в переходный период. Таким образом, даже в высшем руководстве партии отношение к интеллигенции колебалось от скрытой враждебности до стремления привлечь интеллектуалов на свою сторону [4].

Возможность добиться хотя бы относительной лояльности интеллигенции большевики связывали прежде всего с неоднородностью интеллектуальной среды и наблюдавшимися в ней колебаниями. Именно по этой причине большевистские лидеры акцентировали внимание общества на революционных заслугах интеллигенции. Например, Г. Зиновьев еще осенью 1918 года, в разгар Гражданской войны, говорил: «...в самый тяжелый момент мы не забываем прошлых заслуг, величайших заслуг русской интеллигенции» [5, с. 40].

Однако верхушка партии не могла игнорировать негативное отношение интеллигенции к советскому режиму и враждебное восприятие самих интеллектуалов значительным числом малообразованных рядовых партийцев. Возможно, именно поэтому как в литературе, так и – еще в большей степени – в коммунистической прессе первых послереволюционных лет мы нередко наблюдаем негативный образ интеллигента. Классовое сознание, культивируемое в Советской России, формировало отрицательное отношение общества к представителям умственного труда. Само слово «интеллигент» постепенно становилось ругательным. В сознание общества закладывалось нигилистическое отношение к интеллигенции, которое не могло не преобразоваться во враждебное.

В этом плане характерен образ Васисуалия Лоханкина в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Он является фактически карикатурой на советского интеллигента. Лоханкин – эстетствующий лентяй: нигде не работает, живет за счет жены и занят тем, что постоянно

размышляет о судьбах русской интеллигенции, о последствиях революции и иных философских материях. Многие характерные черты русских интеллектуалов, а именно склонность к пустым рассуждениям, неспособность совершать сколь-нибудь решительные поступки, хотя и подмечены довольно верно, представлены авторами в утрированном виде. Возможно, здесь мы видим определенный идеологический заказ, желание опошлить образ интеллигента.

Таким образом, налицо серьезные расхождения и болезненные вопросы в отношениях новой власти и старой интеллигенции. Но режим нуждался в услугах буржуазных специалистов. И именно поэтому коммунистические вожди категорически отвергали возможность «нейтральности» людей умственного труда: «...если кто-нибудь из представителей интеллигенции думает, что можно быть нейтральным, он глубоко ошибается. О нейтральности не может быть и речи... Надо выбрать дорогу, выбрать путь» [5, с. 49]. Вместе с тем уже тогда наметился некоторый прагматизм во взаимоотношениях советской власти и старой интеллигенции (кстати, в дальнейшем именно он во многом их и определял). Ведь режим, понимая, сколь сложен будет выбор для интеллектуала, видел свою задачу так: «...советская власть должна облегчить мелкобуржуазной интеллигенции возвращение к народным массам. Мы знаем все ее слабости, всю нерешительность <...> но нам нужно знание, накопленное интеллигенцией» [6, с. 54].

Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике (НЭП) еще более осложнили ситуацию. Однако крах военного коммунизма показал властям, что без помощи «спецов» справиться с поднятием экономики страны не удастся. В итоге режим был вынужден даже пойти на уступки, носившие в определенной сте-

пени и идеологический характер: был нарушен один из принципов марксизма, согласно которому вопрос о более высокой оплате сложного труда не имеет никакого права на существование.

Как следствие, первоначальные эгалитаристские устремления новой власти были принесены в жертву «неизбежным» и «несправедливым различиям» в благосостоянии разных слоев общества. Сравнительно высокий уровень жизни гарантировался специалистам, которые были готовы сотрудничать с новым режимом, положениями, разработанными властями еще в начале 1920-х годов. Основные принципы данной системы оплаты труда сохранялись сравнительно долго, что не только привлекало к сотрудничеству с большевиками буржуазную интеллигенцию, но и являлось дополнительным стимулом, обеспечивающим верность новой – рабоче-крестьянской – интеллигенции, формировавшейся из «выдвиженцев» и приходившей на смену старым «спецам».

При этом режим сознательно шел на такие меры, не забывая вместе с тем о враждебности буржуазной интеллигенции. Стоит вспомнить слова В.И. Ленина, подчеркивавшего, что специалисты «на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов», они пропитаны прокапиталистическими идеями и привычками. Но без знаний и умений, которыми они обладают, пролетариату не обойтись. Поэтому надо временно пойти им на уступки. В итоге рабоче-крестьянская власть получит от их работы прямую выгоду, и вскоре рабочий сможет овладеть их знаниями и принять на себя их дела. А сейчас труд «спецов» нужно щедро оплачивать: «Мы не собираемся лишать их пока привилегированного положения», «в этом отношении мы должны <...> признать известный “компромисс”»¹.

¹Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 36. С. 310; Ленин В.И. Речь на заседании петроградского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 4(17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Указ. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 35. С. 63–64; Ленин В.И. VII Московская губпартконференция. 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике 29 октября // Ленин В.И. Указ. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. С. 198–199.

К специалистам с марта 1920 года начинает применяться практика «премиальных систем» и иных дополнительных вознаграждений, которая гарантировала получение высоких окладов. В октябре 1923 года премиальные выплаты были объединены в сравнительно четкую систему «персональных окладов» и «премий за выполнение специальных заданий». Быстро растет и максимальный уровень заработной платы, положенный высококвалифицированным «спецам». А на VI съезде профсоюзов (1924 год) была принята шкала выплат специалистам, устанавливавшая чрезвычайно высокие ставки. К тому же нехватка квалифицированных работников способствовала развитию практики совместительства, что еще больше повышало уровень доходов технической интеллигенции. Росла не только заработная плата специалистов – в августе 1921 года особым декретом оговаривалось, что для инженерных и технических работников должны быть созданы благоприятные юридические, научные и материальные условия, для того чтобы они в своей практической деятельности сплотились с рабочим классом. В своих правах они были приравнены к рабочим [7, с. 48–50].

Впрочем, в первые годы НЭПа эта довольно сложная система оплаты труда вследствие значительного обесценивания рубля не гарантировала высокого уровня жизни специалистам. Даже самый высокооплачиваемый инженер вряд ли жил многим лучше, нежели малоквалифицированный рабочий (в основном потому, что рабочий получал лучший паек). Но к середине 1920-х годов, после денежной реформы и стабилизации рубля, разрыв между материальным достатком рабочего и специалиста стал значительным [7, с. 48]. И это, естественно, не могло не вызывать в уже привыкшем к эгалитаризму обществе отрицательное отношение.

На проходивших в 1920-е годы профсоюзных съездах высказывалось недовольство «исключительным положением специалистов», а на VIII съезде (декабрь 1928 года) М.П. Томский говорил о «недопустимом» разрыве в оплате труда между рабочими и инженерами

и техническими работниками. Как видим, относительно привилегированное материальное положение буржуазных специалистов вносило дополнительные проблемы во взаимоотношения интеллигенции и представителей правящей партии, являвшихся в основном выходцами из низших, необразованных, слоев общества. Последние воспринимали буржуазных специалистов как замаскированных классовых врагов. Но попытки ограничить высокие доходы квалифицированных работников были слишком робкими и непоследовательными и не поддерживались властями. Поэтому можно утверждать, что режим планомерно проводил линию на поддержание высокого уровня оплаты труда специалистов [7, с. 48].

Однако не всем представителям интеллектуальных профессий в те годы был обеспечен достойный уровень жизни. В вопросах материального обеспечения интеллигенции виден четкий дифференцированный подход. В годы НЭПа хорошо оплачивался труд только нужных властям технических специалистов. Действительно, высококвалифицированные инженеры получают на производстве в 5-6 раз больше рабочего, а вот, например, учителя – в 2-3 раза меньше. Даже реальная зарплата ученых в этот период не дотягивает до половины дореволюционной [8, с. 382].

Таким образом, интеллигенция не просто утрачивает свое место в обществе – в ее рядах заметно расслоение по социальному признаку. Произошло выделение специалистов («спецов»). Это были интеллектуалы, которые имели возможность трудиться по своей профессии (в основном по технической специальности). Власть нуждалась в них, и заменить их было некому. Но они осознавали неустойчивость своего относительного благополучия, понимали, что режим вынужден их терпеть. И будет терпеть только до тех пор, пока не будет подготовлена достойная смена из числа преданных коммунистической идеологии новичков. «Спецам» были противопоставлены представители профессий, актуальность которых была потеряна при смене общественного строя.

Эта категория «бывших» была отброшена переменами в число деклассированных элементов. Можно говорить о том, что в рассматриваемый период «функции представителей интеллектуальных профессий свелись к функции носителей, прежде всего, технических знаний» [9, с. 125].

Еще с одной группой интеллектуалов, а именно с творческой элитой, отношения властей складывались сложнее. В этой сфере партийное руководство оказалось перед непростым выбором. Оно хотело, чтобы культура служила на пользу новой власти, однако осознавало, что добиться полного контроля над культурной жизнью вряд ли удастся. За духовной сферой развития общества режим внимательно наблюдал, но, пресекая деятельность тех, кто был открыто враждебен социализму, терпел «попутчиков». Такая позиция вызывала яростные нападки так называемых пролетарских писателей и многих полуобразованных партийных руководителей. Однако относительно либеральная линия партии по мере ослабления влияния Л.Д. Троцкого, ее главного сторонника, постепенно сходилась на нет [8, с. 485–486].

Это, впрочем, не мешало попыткам большевиков гарантировать лояльность творческой интеллигенции с помощью той же практики (как и в отношении технократов) обеспечения высокого уровня жизни. Конечно, многие представители творческой интеллигенции были вынуждены зарабатывать себе на пропитание частным образом и первоначально не могли рассчитывать на получение какой-либо материальной помощи. Однако со временем те из них, кто вели себя лояльно, заслужили особое отношение.

В декабре 1921 года была учреждена Центральная комиссия по улучшению быта ученых. Постепенно условия снабжения продовольствием лиц, занятых высококвалифицированным умственным трудом, были значительно улучшены. Повысился и уровень их материальных доходов. В 1920-е годы интеллектуалы получили доступ ко многим нематериальным

благам, им были даже даны некоторые привилегии при решении жилищных проблем [7, с. 53–54].

Подобная практика властей в отношении творческой интеллигенции была в определенной степени эффективной. Несмотря на то, что режим и не пытался скрыть своей прагматической цели – использовать силы интеллигенции для просвещения рабоче-крестьянской массы, формирования созидательного психологического климата, нужного для восстановления народного хозяйства после Гражданской войны, – большевикам удалось добиться того, чтобы значительная часть интеллигенции старалась внести свою лепту в дело создания новой пролетарской культуры.

Однако режим осознавал условность лояльности интеллектуалов. А взаимное недоверие интеллигенции и властей не способствовало плодотворному труду буржуазных специалистов, несмотря на относительное материальное благополучие последних. Большевики понимали, что постоянно опираться на «спецов» новое пролетарское общество не может. В.И. Ленин признавал, что интеллигент старой закваски, «человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет», пожалуй, не годится для нового общества². Советские лидеры считали, что старая интеллигенция слишком ненадежна и опираться на нее опасно. Только рабоче-крестьянская интеллигенция сможет стать надежной опорой режима. Ее социальное происхождение будет гарантией не только близости к рабочему классу, но и верности советской власти. Позднейшие события показали ошибочность подобных умозаключений. Однако в нэповские годы, не сумев добиться явно выраженной поддержки старой интеллигенции, большевики, создавая пролетариев умственного труда, думали, что новая интеллигенция постепенно вытеснит старую. Именно такими настроениями была обусловлена волна репрессий в отношении буржуазных

²Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Указ. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1981. Т. 41. С. 312.

ИСТОРИЯ

интеллектуалов в конце 1920-х годов. В первые годы советской власти большевики надеялись, что смогут попросту «купить» нужных специалистов, но были вынуждены отказаться от этой идеи [10, с. 58–59].

К тому же полностью удовлетворить нужду в высококвалифицированных работниках путем привлечения старой интеллигенции было невозможно, что вынудило власти (наряду с политической стороной данной проблемы) вновь и вновь ставить задачу воспитания новой – социалистической – интеллигенции из крестьян и рабочих.

Именно этим объясняются сохранившиеся и в 1920-е годы некоторые ограничения в отношении интеллектуалов в образовательной сфере. Они были особенно болезненными. Возможность получения высшего образования выходцами из интеллигентских кругов была значительно сужена. Однако политика пролетаризации высшей школы не дала значительных результатов: к началу 1930-х годов только чуть больше трети студентов в вузах РСФСР имели рабоче-крестьянское происхождение. Партийно-государственные структуры были вынуждены постепенно расширять возможности обучения для выходцев из интеллигенции [7, с. 54–55].

Конечно, ряды новой интеллигенции быстро росли, хотя она была численно по-прежнему невелика. Этот слой расширялся за счет «выдвиженцев» из молодежи, рабочих и крестьян. Надо заметить, что студенчество основных технических и экономических институтов в тот период времени во многом формировалось из рабфаковцев. Именно они становятся основным источником пополнения рядов интеллигенции. Это объяснялось тем, что новое поколение прочно усвоило марксистские ценности и взгляды (что для власти было чрезвычайно важно).

Подчеркнем, что в первое десятилетие советского режима противопоставление старой и новой интеллигенции прослеживалось достаточно четко. Критерием здесь была партийность: новый интеллектуальный слой состоял из членов ВКП(б) и комсомола. Однако постепенно и из

старой интеллигенции, сформировавшейся еще до революции, выделяется категория беспартийных, для которых новый режим виделся привлекательнее старого.

И все же именно новая интеллигенция в нэповский период численно быстро росла, что отвечало чаяниям власти. Но роль специалистов в развитии экономики оставалась решающей, и это вынуждало режим к лояльному отношению к старой интеллигенции. Впрочем, противостояние старой и новой интеллигенции обострялось: «выдвиженцы» отмечали в старых специалистах идеологическую отсталость, а «спецы» видели худшую профессиональную подготовку новых интеллигентов.

Сложности в отношениях власти и интеллигенции продолжали сохраняться. Представителей умственного труда по-прежнему относили к буржуазии, что подтверждалось даже данным им термином – «буржуазные специалисты». Лидеров большевиков очень раздражало и то, что интеллигенция, несмотря на все трагические события революции и Гражданской войны, продолжала сохранять целостность своей социальной группы и определенную элитарность. И это обстоятельство заставляло режим опасаться интеллектуалов как жизнеспособного слоя, претендующего если не на политическое, то, по крайней мере, на нравственное лидерство внутри общества [11, с. 23].

Новая экономическая политика не смогла коренным образом изменить ситуацию. Партийно-государственная верхушка, сосредоточившись на экономических проблемах, на некоторое время ослабила внимание к интеллигенции. Нельзя забывать и о том, что ортодоксальная финансовая политика в нэповские годы не только привела к сокращению учреждений культуры, но и усилила материальные сложности представителей умственного труда, вынудила квалифицированных работников к массовому исходу из слабо финансируемых местных бюджетных учреждений образования и культуры.

В целом в 1920-е годы значительная часть интеллигенции согласилась сотрудничать с новой

властью. Некоторые – по принуждению, многие – из-за материального интереса, немало – в силу равнодушия. Благодаря относительной лояльности интеллектуалов удалось привести в порядок деятельность административного аппарата, промышленности. Можно говорить о том, что интеллигенция самых разных настроений благодаря налаживающимся взаимоотношениям с властями работала ради развития страны. Конечно, начавшийся диалог был непростым, значительное число лиц умственного труда по-прежнему, если не враждебно, то весьма настороженно относилось к коммунистической власти и сотрудничало с ней в силу материальной заинтересованности. Власть такая позиция устраивала мало. Большевицкая партия, взявшаяся руководить обширной страной, нуждалась в своих людях во всех областях и сферах деятельности. Именно это обстоятельство привело к политике формирования новой – рабоче-крестьянской – интеллигенции, призванной заменить старых – буржуазных – специалистов. К понятным сложностям добавлялись проблемы во взаимоотношениях интеллигенции с другими слоями общества, которые, как и власти, весьма настороженно, если не враждебно, относились к сравнительно

благополучной в материальном плане жизни специалистов.

Нельзя забывать и о расколе по идеологическому признаку в рядах самой интеллигенции – на старую и новую. При этом старая интеллигенция, получившая свою подготовку еще до 1917 года, хоть и преобладала численно, была в политическом плане пассивна: ее активная часть либо эмигрировала, либо погибла в ходе Гражданской войны. Она даже и не думала о какой-либо оппозиции режиму, притом что в своем большинстве не принимала новый строй. Негативное отношение к власти не мешало сотрудничеству с ней.

Большевицкие лидеры надеялись, что рабоче-крестьянская интеллигенция в скором будущем станет их надежной опорой. Ее социальное происхождение будет гарантией не только близости рабочему классу, но и верности советской власти. И хотя события 1920–1930-х годов показали наивность подобных конструкций, однако тогда большевики, создавая пролетариев умственного труда, думали, что новая интеллигенция постепенно вытеснит старую. И именно в этом видели решение всех проблем, связанных с сохраняющимся влиянием интеллектуалов.

Список литературы

1. Золотарев О.В. Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44–56.
2. Соколова Ф.Х. Власть и интеллигенция Европейского Севера России в годы новой экономической политики // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Сер.: Обществ. и гуманитар. науки. 2004. № 4(7). С. 225–235.
3. Соколова Ф.Х. Интеллигенция Европейского Севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью (1917–1930-е годы): дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2005. 626 с.
4. Золотарев О.В. Интеллигенция Советской России в нэповские годы // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 31–45.
5. Зиновьев Г. Трудящаяся интеллигенция и советская власть // Интеллигенция и советская власть: сб. ст. М.: Совет. мир, 1919. С. 40–49.
6. Радек К. Интеллигенция и советская власть // Интеллигенция и советская власть: сб. ст. М.: Совет. мир, 1919. С. 50–54.
7. Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопр. истории. 1992. № 2-3. С. 45–61.
8. Пайнс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. 667 с.
9. Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отеч. история. 1994. № 2. С. 122–134.
10. Валентинов (Вольский Н.В.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время нэпа. М.: Современник, 1991. 367 с.

11. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопр. истории. 1990. № 8. С. 16–31.

References

1. Zolotarev O.V. *Intelligentsiya: sovetskie gody* [The Intelligentsia: Soviet Period]. *Intelligentsiya i mir*, 2012, no. 4, pp. 44–56.
2. Sokolova F.Kh. *Vlast' i intelligentsiya Evropeyskogo Severa Rossii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Authorities and Intelligentsia of the Russia's European North at the Time of New Economic Policy]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 2004, no. 4, pp. 225–235.
3. Sokolova F.Kh. *Intelligentsiya Evropeyskogo Severa Rossii: formirovanie, dinamika vzaimootnosheniy s vlast'yu (1917–1930-e gody)* [The Intelligentsia of the European North of Russia: Formation and Dynamics of Relationship with the Authorities (1917–1930s): Diss.]. Arkhangelsk, 2005. 626 p.
4. Zolotarev O.V. *Intelligentsiya Sovetskoy Rossii v nepovskie gody* [Intelligentsia of Soviet Russia in the New Economic Policy Period]. *Intelligentsiya i mir*, 2011, no. 4, pp. 31–45.
5. Zinov'ev G. *Trudyashchayasya intelligentsiya i sovetskaya vlast'* [The Working Intelligentsia and Soviet Authorities]. *Intelligentsiya i sovetskaya vlast'* [The Intelligentsia and Soviet Authorities]. Moscow, 1919, pp. 40–49.
6. Radek K. *Intelligentsiya i sovetskaya vlast'* [The Intelligentsia and Soviet Authorities]. *Intelligentsiya i sovetskaya vlast'* [The Intelligentsia and Soviet Authorities]. Moscow, 1919, pp. 50–54.
7. Matthews M. *Stanovlenie sistemy privilegii v Sovetskom gosudarstve* [Formation of the Privilege System in the Soviet State]. *Voprosy istorii*, 1992, no. 2-3, pp. 45–61.
8. Pipes R. *Russia Under the Bolshevik Regime*. New York, 1994. 587 p. (Russ. ed.: Payps R. *Rossiya pri bol'shevikakh*. Moscow, 1997. 667 p.).
9. Beyrau D. *Intelligentsiya i vlast': sovetskiy opyt* [The Intelligentsia and Soviet Authorities: Soviet Experience]. *Otechestvennaya istoriya*, 1994, no. 2, pp. 122–134.
10. Valentinov (Vol'skiy N.V.) *Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina. Gody raboty v VSNKh vo vremya nepa* [New Economic Policy and the Party's Crisis After Lenin's Death. Years of Work in the Supreme Soviet of the National Economy During the NEP]. Moscow, 1991. 367 p.
11. Fitzpatrick S. *Klassy i problemy klassovoy prinadlezhnosti v Sovetskoy Rossii 20-kh godov* [Classes and Problems of Class Affiliation in Soviet Russia in the 1920s]. *Voprosy istorii*, 1990, no. 8, pp. 16–31.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.5

Oleg V. Zolotarev

Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin;
Oktyabr'skiy prosp. 55, Syktvykar, 167001, Respublika Komi, Russian Federation;
e-mail: oleg-zolotarev@mail.ru

NEW ECONOMIC POLICY, AUTHORITIES AND THE INTELLIGENTSIA

This article deals with the relationship between the authorities and the intelligentsia in the New Economic Policy (NEP) period. The author analyses the forms and methods of as well as changes in the state policy towards the intelligentsia and reveals the reasons for these changes. Further, the

For citation: Zolotarev O.V. New Economic Policy, Authorities and the Intelligentsia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 3, pp. 5–13. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.5

motives behind the non-use of the military and enforcement measures against the intelligentsia are explained. In addition, the paper dwells on the main processes that took place within the Russian intelligentsia, its ideological and political views, social attitudes and behavioural patterns. It is shown that the 1920s marked a significant transformation in the views, opinions and attitudes of the intelligentsia towards the existing political institutions and practices. Most of the intelligentsia, despite their sympathy for anti-Bolshevism, aspired to cultural and creative activity in their work. Further, the paper turns to the essence, problems, role and importance of promoting workers to managerial positions (*vydvizhenchestvo*) in the creation and development of the new intelligentsia. The complicated relationship between the Bolshevik party, the old and the new intelligentsia is analysed. The opinion that the authorities in the 1920s adopted an arrogant attitude towards the old intelligentsia is substantiated. The factors that influenced the intelligentsia's view of Soviet authorities are also identified. In this regard, the paper highlights the improved material standard of living of the intelligentsia in the 1920s. The split, crisis and self-identification problems of the Russian intelligentsia in the NEP period are emphasized. Moreover, it is stated that by the end of the 1920s the intellectuals, in the face of a certain split on the social and financial basis, had grown to think that Bolshevism was inevitable and that they had to cooperate with the regime.

Keywords: *the intelligentsia, New Economic Policy, authorities and the intelligentsia, state policy, vydvizhenchestvo.*

Поступила: 22.11.2018

Принята: 27.03.2019

Received: 22 November 2018

Accepted: 27 March 2019